

Владимир ГУСЕВ

Мухоловка Ломтикова

РАССКАЗ

— ...Что-то вы не учли... Я бы даже сказал, прохлопали!

Ломтиков почувствовал, что краснеет. Кулаки его сами собой сжались. Сказать такое пси-модельеру... Это равнозначно обвинению в профессиональной некомпетентности. И если бы директор Сима не был его, Андрея Ломтикова, наставником... Интересно, почему все-таки его прозвище Очковый Змей? С очками, пожалуй, все ясно. Директор Сима — единственный на Клероне и в окрестностях, кто таскает на носу этот музейный экспонат. Чудачество талантливого человека. Признак независимости вкуса, мнений и, следовательно, незаурядности носителя сего странного предмета. Что-то вроде редкого значка на кармашке. Но — Змей? Прядский так и не ответил тогда на этот вопрос. Усмехнулся загадочно, сказал: «Скоро сам узнаешь. Хотя лучше бы тебе оставаться в неведении»...

Директор Сима остановился прямо перед Ломтиковым, надел очки и, слегка покачиваясь, как кобра, готовящаяся к броску, медленно произнес, тщательно выговаривая каждое слово:

— Вы должны были это учесть! Должны! Ваша ошибка обойдется переселенцам очень дорого. Да-да, именно ваша! Что бы там ни показало следствие! Девятьсот пятьдесят тысяч часов

Художник Борис ИОНАЙТИС

механического труда! Пяти ваших жизней не хватит, чтобы возместить ущерб!

Ломтиков молча смотрел в окно. Действительно, лучше бы ему оставаться в неведении... Интересно, а что натворил Прядский? Надо будет расспросить при случае.

— А может быть, и правда, как злословят завистники, букву «о» на наших значках следует заменить на «а»? — вкрадчиво спросил директор Сима и снова начал расхаживать по кабинету.

Ломтиков косил глаза на свой нагрудный карман. Что Очковый Змей имеет в виду? У него у самого на груди среди прочих (голубой эллипс «Третьей сферы экспансии», серебряный кружок «Работы без ошибок», заветный синий квадратик с золотой буквой «Е» и еще чуть не десяток других) зеленеет прямоугольник с большой буквой «пси» и тремя маленькими латинскими «м», «о», «д». Если «о» заменить на «а»!... На французском — сокращение от «мадам» (или от «мадемуазель»?), по-немецки — непонятно что, на английском... Ну да, конечно, директор Сима — признанный знаток староанглийского...

Ломтиков снова сжал кулаки. Подобных шуточек никто и никогда от директора не слышал. Да, конечно, ведется следствие. Да, возможно, была ошибка. Но это еще нужно доказать. А до тех пор... Спокойно, спокойно...

Ломтиков отвернулся к окну. Оно было открыто. Легкий ветерок теребил занавеску. Над подоконником показывалась ветка цветущей сакуры. Далекий горизонт ломала неизбежная Фудзияма. Директор Сима снова забегал по кабинету.

— И это — кумир чуть ли не всех мальчишек и девчонок Третьей сферы! Создатель знаменитой момекоры! Мой несмышлениш вчера, во время сеанса телесвязи, потребовал, чтобы я привез ему вашу голографию. Он хочет, видите ли, повесить ее над своим терминалом! Я для него авторитет только потому, что под моим началом работает сам Ломтиков! Нет, каково?

К аромату цветущей сакуры примешивались еще какие-то запахи. Букет их был подобран, как всегда, превосходно. Видно, это у них, японцев, в крови. Вернее, в генотипе — тонко чувствовать красоту формы, цвета и, как в последнее время выясняется, запаха.

— И этот кумир, этот свежее испеченный идол ставит под угрозу экологическое равновесие на одной из самых перспективных планет Третьей сферы экспансии! На Клероне, которую чуть ли не целое поколение землян превращало из груды камней и льда в райский сад!

— Правильнее сказать — свежее вытесанный, — поправил Ломтиков. Директор Сима неузнаваем. Куда девалась его тягучая, как восточная музыка, церемонность? Вчера еще три раза кланялся, прежде чем окончательно попрощаться. А сегодня...

— Что — свежее вытесанный? — От удивления Сима остановился и снял очки.

— Идол. Их не пекли, а вытесывали из бревен. Топором.

Директор ядовито улыбнулся.

— Вам лучше знать, из чего вас вытесали! Нет, вы только

¹ Mad (англ.) — сумасшедший.

посмотрите на него! — обратился он к несуществующим зрителям, картинно протягивая в сторону Ломтикова ладонь с плотно сжатыми короткими пальцами. — Они еще шутить изволят! Хотите полюбоваться плодами трудов своих?

— Не хочу! — тихо, но твердо сказал Ломтиков. Ну вот, нарвался на грубость. Неужели дела настолько плохи? Дурацкая комета! И куда смотрел Косдоз? Это же их вина, а не его. Его тоже, конечно, но парни из Космического Дозора виноваты все-таки больше.

— Гера, покажи нам фрагмент вчерашних «Новостей», — не послушался Ломтикова директор. — Тот, где репортаж с Клероны.

Окно подернулось плотной серой дымкой. Ветка сакуры исчезла — вместе с занавеской, силуэтом Фудзиямы и спелосиним небом. Вместо всего этого за окном появилась пустыня. Сизые барханы тянулись до самого горизонта.

— Продолжается наступление пустыни на Зеленый пояс Клероны, — пояснил диктор. — За последние двое суток площадь пораженных участков увеличилась еще на двести квадратных километров. На севере колонии мухоловок Ломтикова уже достигли границ плодородных земель.

Унылый пейзаж дрогнул и медленно поплыл в сторону. Действительно, барханы сходили на нет. На горизонте заголубел лес. Оператор наклонил камеру, приблизил один из участков. Под сине-зеленой кишашей массой почва не просматривалась, и было неясно, что внизу — все еще бледно-оранжевый песок пустыни или уже уникальный клеронский глинозем — создание молодого директора Симы. Впрочем, тогда он директором еще не был. И Очковым Змеем, надо полагать, тоже. Тянулись вверх жадные лепестки, хищно блестели капли сока в чашечках цветков. Над ними роились насекомые — клеронские мухи, пчелы, безобидные комары-вегетарианцы и даже кузнечики. Листья, чем-то похожие на щупальца, один за другим судорожно сжимались, обжигая свои жертвы крохотными присосочками-стрекальцами... Кабинет наполнился легким пьянящим запахом — онто и привлекал насекомых. Ломтиков поморщился. Ему перестал нравиться этот аромат. А сколько трудов было положено, чтобы он мог соперничать с запахом французских духов! Шестикрылый изумрудно-зеленый шмель влетел было в окно, но, поняв, что ошибся, рассерженно зажужжал и удалился. Помчался навстречу своей гибели.

— Спасательные отряды продолжают работы по огораживанию зараженных участков, — комментировал диктор следующий сюжет. В окне появился устрашающего вида механизм на широченных, экологически безопасных гусеницах. За рулем сидел ковбой в широкополой шляпе с высокой, по последней моде, тульей. Из большого резервуара за его спиной бесконечным удавом-альбиносом выдавливалась узкая белая лента. Почувствовав под собою почву, она тут же укоренялась и вырастала полутораметровой гладкой стеной, неприступной для мухоловок. Примятая гусеницами трава быстро выпрямлялась.

— Но из-за нехватки живых изгородей придется, видимо, перейти на создание полос отчуждения. Это на долгие годы выведет из землепользования тысячи гектаров почвы.

Ломтиков опустил голову. Конечно, кто мог знать, что хвост злосчастной кометы, вероятность попасть в который — одна сотая за сколько-то там тысяч лет, будет буквально нашпигован мутагенной органикой? Непосредственное столкновение не грозило, и Космический Дозор пропустил ее, как совершенно безопасную... Понадеялись на пси-модельеров, которые должны учитывать абсолютно все факторы? Или пренебрегли исследованием на опасную органику? Расследование покажет, кто виноват больше. Хотя директор Сима сам говорил, что по мере усложнения пси-моделирующих систем вероятность просмотра не только не уменьшается, но, напротив, начинает расти. Вопреки тому, что усложняют их как раз во имя полного исключения ошибок. Правда, это раньше он так говорил, когда Ломтиков еще только стажировался в его знаменитом пси-ателье. Сейчас он говорит по-другому. Вернее, не говорит, а ругается. Впервые за много лет. За пять, если быть точным.

Репортаж с Клероны закончился, и за окном показался... кабинет директора Симы. И он сам, восседающий в кресле. Ломтиков не выдержал и оглянулся. Да нет же, вот он, стоит рядом, судорожно сцепив пальцы.

— Лучшие пси-модельеры работают в настоящее время над созданием экологически чистых химических средств, способных остановить нашествие сине-зеленых мухоловок. И среди них, как сообщил нам директор Центрального пси-ателье Синдзи Сима, один из возможных виновников катастрофы Андрей Ломтиков. На вопрос о том, как он объясняет свое несколько неожиданное решение, директор Сима ответил, что...

Очковый Змей нетерпеливо щелкнул пальцами. Окно заволочла плотная серая дымка, через мгновение ставшая прозрачно-голубой. На горизонте прорезался чеканный профиль Фудзиямы, над подоконником закачалась цветущая ветка сакуры. В кабинете директора Симы царила вечная весна.

Ломтиков не верил своим ушам. Две недели назад его отстранили от всех работ, было начато следствие. Ребята из Второй лаборатории быстро провели свое, независимое расследование и разобрались, что к чему. Получалось так, что, с одной стороны, Ломтиков вроде бы и не виноват. С другой же стороны... Вилька Овечкин с кретински серьезным видом объяснял смешливым практиканткам: «Один знаменитый — в будущем — пси-модельер... очень, очень перспективный, — заводил он глаза к небу, — малость перепутал понятия. Вместо того чтобы смоделировать свойство «съемобный», вообразил чуть-чуть противоположное ему действие «ядящий». Плохо позавтракал, наверное...» И получалось так, что Ломтиков все-таки виноват. И все ждали результатов официального расследования...

— Что вы так смотрите? — рассердился директор Сима. — Не думайте, что вам все сошло с рук. Просто мы решили дать вам возможность искупить вину. За те две недели, что вы пролжались, техники подключили Геру к Большой Сети, заменили транслятор и отладили новую операционную систему. В результате ее мощь возросла почти десятикратно. И если вам удастся хотя бы сохранить свой Коэффициент Ипользования, мы вполне сможем рассчитывать на успех. Уже сегодня. Правда, есть одно маленькое «но»...

Синдзи остановился прямо напротив Ломтикова, нацепил очки и снова начал раскачиваться. С пяток на носки, с носков на пятки. Желтые сандалии чуть слышно поскрипывали. Верхняя пуговица тенниски расстегнута: близился полдень, и кондиционеры уже не справились, повышать же их мощность не разрешала Служба экологического равновесия. Небольшого роста, в неповторимого оттенка шортах и ослепительно белой тенниске директор Сима, несмотря на угрожающее раскачивание, был похож на юного первопроходца. Или как там сейчас называется эта детская организация?

— Поскольку во всех нестандартных ситуациях новая операционная система еще не проверена... В общем, работы с нею относятся к уровню альфа-элиты-прим. Надеюсь, вас это не испугает, — заключил директор. В последней фразе не было и намек на вопросительную интонацию. Своеобразный комплимент.

— Да-да, конечно. Я... я постараюсь оправдать... — Ломтиков почувствовал, что ладони его становятся влажными. От жары, наверное. Уровень альфа-элиты! Работы с опасностью для жизни! С вероятностью до одной тысячной! Максимальной, которая еще разрешается! И он теперь тоже сможет носить скромный светящийся квадратик с золотистой буквой «Е» в центре!

— Когда можно приступить? — деловито спросил Ломтиков. Больше всего ему хотелось сейчас запрыгнуть на одной ножке. Жаль, что Лерка не видит его в эту минуту. Альфа-элиты! Это тебе не жуков на булавки накалывать! Не тлю мариновать!

— Ваше время — через два часа сорок минут. Вот задание на пси-моделирование.

Сима снял с терминала зеленый кристаллик памяти и аккуратно положил Ломтикову на ладонь. Андрей крепко зажал его в кулаке.

— Да, чуть не забыл... Новый терминал смонтирован на третьей площадке. Это в Готическом переулке, знаете? Там же будет и ваш кабинет... до окончания следствия. Бывали на Третьей?

— Нет. Но я примерно представляю...

— Отставить. Времени у вас осталось немного, а в этих новых кварталах сам черт ногу сломит... Я пришлю за вами настройщика. Он и покажет.

Пси-модельер Ломтиков и техник Крафт быстро шли по широкому тротуару вдоль Кольцевой. Справа, за автострадой, за прозрачной стенкой Купола, громоздились скалы Орхиден. Над расселинами дрожали струйки ядовитых газов, тщетно пытаясь увеличить плотность разреженной атмосферы. Бр-р-р... Не хотелось бы оказаться там без скафандра! Длинные тени были угольной черноты, освещенные грани камней — ослепительно белыми. Всего два цвета, как на старинных плоских голографических. Слева — почти непрерывная стена автоматизированных заводов и складов. Они когда-нибудь кончатся? Ломтиков покоился на техника. Видать, из новеньких, прибывших последним рейсом «Титаника». На шортах и рубашке живого места нет:

все в каких-то замочках, кармашках, «молниях» и даже старинных этих... как их... ага, липучках. А значок один-единственный: большое «Т» на сером фоне. Означает: техник. Вот и вся информация. Ростом невелик, но шагает широко, в ногу с Ломтиковым. И упорно молчит. Только поглядывает иногда... странно. То ли завистливо, то ли жалеючи — Андрей никак не мог разобрать. Наверное, все-таки жалеючи. Мухоловка Ломтикова... Когда-то он гордился, что смог сотворить растение, привольно чувствующее себя в Большой Оранжевой Пустыне. Но потом ему пришла в голову мысль сделать его съедобным для оказавшихся удачными молочно-медоносных коров. И если бы удалось мухоловку Ломтикова сделать съедобной для момекры Ломтикова... Недаром говорят, лучшее — враг хорошего.

— Что вы на меня так смотрите, техник Крафт? — не выдержал наконец пси-модельер. Мимо них прошествовал красный открытый кар директора Станции, и они невольно проводили его взглядами. На голове старика, среди развевающихся прядей седых волос, сверкнул тонкий золотистый обруч с яркой сиреневой искоркой надо лбом. Ломтиков вздохнул.

— Да как вам сказать... — смутился техник. — Не каждый день видишь человека, согласившегося на примовую работу. Аверс: это реальный шанс искупить вину. Если она есть, конечно. Реверс: вы очень молоды и, говорят, не бесталанны... Ну, присудили бы вам лет пять однообразного труда, так что же? Некоторые всю жизнь так работают, и ничего, не хуеют. А уж прыть-то лет... Или даже три... Нет, я бы на вашем месте так не рисковал.

Ломтиков усмехнулся. Представления об опасности у этого техника самые обывательские. В наше пресное время, когда стоит чихнуть — и тут же, откуда ни возьмись, появится кибердиагност и начнет обнюхивать тебя, норовя лизнуть руку, когда на планетах Третьей сферы уже нет такого места, куда не ступала бы нога андроида — и отказаться от возможности испытать себя? Узнать свою настоящую цену? Не бесталанен... И только?

— Риск, конечно, есть, но в пределах нормы, — назидательно сказал Ломтиков. — Никто не вправе проводить работы, опасность которых превышает максимально допустимую. Конечно, моделирование абсолютно всех нештатных ситуаций требует времени, которого всегда не хватает. Но чтобы впасть в одну из них, нужно или совсем голову потерять, или...

— Или не учесть какую-нибудь скрытую связь, — невежливо перебил его техник. — А у меня последнее время создается впечатление, что в этих новых системах с уровнем сложности четырнадцать-бис и выше...

— Выше не бывает. Пока.

— Уже есть. Наша Гера, включенная в Большую Сеть и с новой операционкой... Один известный гиперсистемщик полагает... В общем, это практически уже следующий класс. Пятнадцатый.

Ломтиков рассердился. Пора указать технику его место. Понаслушался разговоров специалистов и корчит из себя всезнайку. «Один известный гиперсистемщик»... Стал бы он с тобой говорить об этом, как же! Он и со мной вряд ли... Обсуждать

с дилетантом профессиональные темы — давать повод усомниться в уровне своей квалификации.

— Как показал еще Гленн Тинн, комплексный факториал-анализ при вариациях по подпространствам Калаби-Яо-Егорова позволяет уточнить понятие Геделя о неполноте...

Техник посмотрел на Андрея снизу вверх так снисходительно, словно погладил по голове мальчишку, объясняющего, что стекла для того и придуманы, чтобы стрелять по ним из вакуумной рогатки.

— Да-да, я слушаю вас, — спохватился Крафт, и Ломтиков понял, что ошибся. Это всего лишь уважение на грани благоговения хотя и пополам с завистью. Но продолжать Андрею расхотелось. О таких материях хорошо с Леркой толковать. Она слушает открыв рот и со всем соглашается. Правда, и про своих букашек-таракашек тоже может говорить часами. Приходится и ему открывать рот... Иногда они спорили. Зачем, спрашивал Ломтиков, вы храните в своем Всемирном генофонде всяких там паразитов, вроде дореволюционных комаров, тли, саранчи? Ясно же, это вредные звенья эволюции. Потому их и заменили. К тому же хороший пси-модельер может насочинять таких — за час штучку, за неделю кучку. Лерка чуть не с кулаками на него бросалась: у природы не было вредных звеньев! И если бы ты не проводил по многу часов в хранилище, никогда бы не достиг уровня «альфа»! Потому что самый лучший пси-модельер — природа. И ничего принципиально нового ни один из модельеров так и не придумал. Подумаешь, медноносная корова! И мед, и молоко были в природе раньше. Ну, соединили... Жалкие эклектики! Тут уж Ломтиков был готов броситься на нее с кулаками...

— Нам налево, — предупредил Крафт.

Они свернули в радиальную улочку, оформленную в стиле деконструктивизма. Батарея газгольдеров в развалинах многоквартирного жилого дома не то девятнадцатого, не то двадцатого века, супермаркет, расколотый надвое родившимся в его же чреве гигантским полупрозрачным шаром... Правда, говорят, главный архитектор Станции — парень с причудами. У него сколько улиц, столько и стилей.

— Этот гиперсистемщик... Он сказал, что по своим возможностям система пятнадцатого уровня уже приближается к философскому камню. То есть как если бы у пси-модельера... во время работы... был еще и этот камешек. Вы заметили, нас обогнал директор Станции? Говорят, он и во сне с ним не расстается. Так и спит с обручем на голове, — хихикнул техник.

Ломтиков вздохнул. Философский камень... Мечта любого мыслящего землянина со времен средневековья. Механизм его действия не изучен. И может быть, не будет выяснен никогда. Все попытки исследовать магический кристалл приводят к тому, что он перестает светиться и превращается в заурядный алмаз — разве что с необычной огранкой естественного, как ни странно, происхождения. Во всяком случае, все до сих пор найденные философские камни имели ровно по сорок граней и были похожи друг на друга, как две капли воды.

— Однажды я держал такой камешек в руках, — скромно.

но с достоинством сказал Ломтиков. Еще бы! Мало кто может этим похвастаться. Всего лишь три-четыре десятка людей на всю Третью сферу. А уж владельцев-то и вовсе...

— Ну и как? — оживился техник. — Что вы почувствовали?

Ломтиков посмотрел на него сверху вниз, и не только в буквальном смысле. Андрей решил сполна насладиться паузой. Настройщик Крафт молча шагнул рядом, не смея повторить вопрос. Так подросток ждет рассказа старшего товарища, вернувшегося с первого «настоящего» свидания.

— Ничего. Ровным счетом ничего, — сказал наконец Ломтиков как можно более равнодушно. Подумаешь, философский камень! Мы и не такое видали. — Да иначе и быть не могло. Многократное усиление творческих способностей владельца происходит вследствие тончайшего психофизического взаимодействия мозга с уникальной кристаллической структурой — до сих пор, кстати, не расшифрованной. Мистики уверяют даже, что камень — живое существо, вступающее с человеком в симбиоз и через него реализующее накопленный за тысячелетия безмолвия творческий потенциал.

Они свернули в переулок, застроенный островерхими домами с черепичными крышами. У некоторых из них были затейливые башенки по углам, у других — множество маленьких, увитых плющом, балкончиков.

— Злые языки утверждают, что магистр теряет свою индивидуальность и становится как бы придатком кристалла. Чем-то вроде устройства вывода информации первобытного компьютера. Но, насколько мне известно, еще ни один магистр не пожелал расстаться со своим сокровищем!

Техник засмеялся.

— Да, таких казусов пока не было. Говорят, талисман, ко всему прочему, продляет жизнь. Во всяком случае, ни один из его обладателей еще ни разу не умер!

Нужный им дом стоял в глубине переулка. Перед входом — небольшая клумба с... мухоловками Ломтикова! Первый, еще несъедобный вариант. Вернее, неядящий... Андрей покраснел.

— А правда, что находка каждого кристалла должна быть оплачена... человеческой жизнью? — спросил настройщик, доставая ключ. Как он не запутается в своих карманах! А домик ничего, симпатичный. Не то что эти руины... с газгольдерами.

— Говорят и такое. Некоторые считают, что неуловимая субстанция, которую они называют душой погибшего, переселяется в камень и делает его живым. Откуда берутся такие слухи, известно. Все, абсолютно все работы на Саванне, где только и встречаются эти кристаллы, относятся к уровню «элита». И до сих пор некоторые десантники возвращаются оттуда... в белых коконах. Или не возвращаются вовсе.

Они вошли в дом. В норку шмыгнул замешкавшийся уборщик. Пластик внутренней отделки холла искусно имитировал тяжелый серый камень готической постройки — точно такой же, как и снаружи. И называется холл «рыцарский зал», не иначе. Недаром и доспехи на стенах...

— Я слышал, объединенный профсоюз космодесантников потребовал запретить все работы на Саванне.

— Ничего у них не получится. Сами космодесантники и не

допустят этого. Слишком много у нас еще сорвиголов, мечтающих испытать себя на уровне «элита». Отбери у них такую возможность — и они толпами повалят с космофлота туда, где она еще имеется.

Маленький автокомплимент. Лерка бы такого, конечно, не простила. Сказала бы что-нибудь вроде: «Прежде чем сорвать цветок, подумай, есть ли он у тебя». Но техник, наверное, уже забыл, что пси-модельер будет сейчас... во всяком случае, не развлекаться. Ломтиков покосился на настройщика, поймал его выразительный взгляд и покраснел. Нет, не забыл.

— Полагаю, что станции на Саванне не будут закрыты в ближайшие годы по другой причине, — вежливо сказал Крафт. — Из-за живой воды. Ее так и не смогли синтезировать. А та, которую с такими трудами вытаскивают из недр Юпитера, не идет с саваннской ни в какое сравнение.

По широкой лестнице с затейливыми перилами они поднялись на второй этаж и шли теперь узким коридором с низкими полукруглыми сводами. С левой стороны — редкие дубовые двери, с правой — светильники, стилизованные под бойницы.

— Но даже на Саванне запрещены все работы с уровнем опасности выше, чем «элита», — сказал настройщик, останавливаясь перед дверью с надписью: «Кабинет пси-моделирования № 9. Без вызова не входить». И ниже, черным по белому: «Пси-модельер А. Ломтиков». Андрей улыбнулся. Как ни ругал его директор Сима, и все же... Значит, надеется на него. А техник... Что он сказал?

Дверь, почувствовав гостей, отверзла щель запахоуловителя и с шумом втянула в себя воздух.

— Андрей Ломтиков, хозяин кабинета, — представил его Крафт. Дверь довольно заурчала, переваривая информацию, и уехала в стену. Теперь она никого, кроме хозяйина, без его разрешения в кабинет не пропустит. Предосторожность не лишняя. Особенно с учетом уровня предстоящих работ. Техник, кстати, как-то двусмысленно об этом уровне выразился...

— А разве есть места, где такие работы разрешены? — машинально спросил Ломтиков, осматривая кабинет. Вернее, кабинетище. Он был раза в три больше старого. Того, в котором Андрей так удачно смоделировал момекофу, а потом и мухоловку своего имени. И попытался ее модернизировать... Стены, пол, потолок затянуты звукопоглотителем нейтральнейшего серо-коричневого цвета. Прямо перед входом — массивное кресло типа «мыслитель», за ним — низкий широкий подиум, напоминающий большой плоский барабан. Почти незаметен, угадывается только по тени. Свет исходит из широкого окна, а перед окном... Ломтиков изумленно оглянулся на настройщика. Но техник Крафт смотрел на него с изумлением еще большим.

— Что? Вы что-то сказали? — спросил Андрей. — Я так удивился, увидев здесь персональный рекреатор... В моем старом кабинете его не было. Я вообще не знал, что в новом здании...

— Вы, кажется, не знаете и другого. Вам, кажется, не скажали, что степень риска при выполнении работ уровня «элита-прим» на полтора порядка выше, чем при чистой «элите». На

полтора! А степень стагнации — всего лишь две девятки после нуля. Я все смотрю и думаю: какой мужественный парень! А вам, оказывается, просто не объяснили!

Техник засмеялся. Нехорошо как-то так засмеялся, словно бы уличил Ломтикова во лжи.

— Знаете, я бы на вашем месте бежал из этого кабинета — без оглядки! Прямо бы вот сейчас взял и убежал. Без оглядки, — повторил Крафт для убедительности. — Дорогу запомнили?

— Подумаешь, на полтора порядка, — беспечно сказал Ломтиков, подходя к окну. В горле у него запершило, и пришлось дважды кашлянуть, чтобы избавиться от хрипоты. — Все равно намного меньше единицы.

— Так-то оно так, конечно, — охотно согласился настройщик. — Но только до вас с умошечной Герой уже пробовали работать двое, и обоих внеочередными рейсами... на Базу-главную. Не удалось им оседлать эту лошадку. — Техник мотнул головой в сторону входной двери, за которой, по его представлениям, размещались психотронные модули Геры.

— Ничего, я везучий, — еще беспечнее сказал Андрей, незаметно вытирая о шорты вдруг вспотевшие ладони. Он обошел большой аквариум с блестками рыбок, почти неподвижно зависших в зеленой глыбе воды, и между двумя пластиковыми кадками не то с клеронскими кактусами, не то с земными пальмами — какой-то новейший гибрид — протиснулся к окну.

Море было темно-синее, холодное, все усеянное мелкими гребешками воли. Горизонт в дымке. На песчаном берегу — кучки водорослей. Видимо, недавно был шторм, оставил эти водоросли и запах — одуряющий, невозможный, забытый... И пахнет сырой резедой горизонт... Да нет, при чем здесь резеда? Совершенно другая гамма. Две чайки дерутся и плачут, не могут поделить тощую рыбешку. М-да... Лучшее — злейший враг хорошего! Одна тысячная — это нервы пощекотать, себя испытать. Но три, а то и четыре сотых... Многовато, пожалуй. К тому же техник явно что-то недоговаривает. Не может быть, чтобы при такой, все-таки низкой вероятности, сразу двоих психомодельеров... отправили...

— Зато у вас теперь будет персональный рекреатор, — сказал техник то ли с завистью, то ли с насмешкой. Ломтиков огляделся. Полтора десятка комнатных растений, несколько мини-деревьев. Кипарис, еще одна пальма и... фикус. Точно, фикус. Под сенью такого же уродца сфотографировалась когда-то его прапра — сколько раз? — бабушка. Мать очень гордится семейным альбомом с еще плоскими голографиями. Некоторые даже нецветные... Перед аквариумом — «ласкающее» кресло, рядом — крохотный столик.

— В баре — полный набор тоников. Унитрек на шестьдесят четыре программы, последняя модель. В любой момент, зафиксировав стадию, вы сможете полностью расслабиться и восстановить пси-энергию, — по-хозяйски объяснил техник. — Транслятор я вам сейчас перенастрою.

Ноги Ломтикова коснулось что-то мягкое и пушистое, и он чуть не вскрикнул от неожиданности, «Мяяуу», — проскрипел

ательевский кот Файл, норовя еще раз потереться о волосатую голень модельера.

— Брысь!

Маленький рыжий хищник шмыгнул за кадушку с фикусом и затаился.

— Вы что-то сказали?

— Это я на кота. Как он сюда попал?

— Наверное, ваш предшественник принес. Обживал, так сказать, новое помещение. Да вот не помогло ему это. Кс-кс-кс, — позвал настройщик. Но подлый кот и не думал выходить. У, скотина! На прошлой неделе он стащил у Ломтикова леща — настоящего, копченого, привезенного аж с Земли — и сожрал вместе с костями. Да еще и трепки избежал, прикинувшись больным. А теперь трется о ноги как ни в чем ни бывало!

— Файлик, Файлик, кс-кс-кс, — звал техник, шастая между кустами. Две канарейки, испуганно попискивая, выпорхнули из ветвей клеронского кактуса. Одна из них на мгновение присела Ломтикову на плечо, но тут же исчезла в густой кроне мини-пальмы.

Кот не показывался.

— А может, пусть его? — предложил настройщик. — Мы сейчас закроем занавес... Он вам не мешает. Если вы, конечно, не раздумали. Что я на вашем месте непременно сделал бы. Провались они все в черную дыру, эти примовые работы!

— Да-да, вы правы, пора начинать, — перебил его Ломтиков, усаживаясь в рабочее кресло. Он поерзал еще немного, добиваясь чувства полуневесомости, и начал настраивать дыхание.

Техник подошел к стене, нажал на большую — с ладонь величиной — серо-коричневую, почти невидимую на таком же фоне кнопку. Странно. Можно было бы просто попросить Геру... Половинки тяжелого занавеса с двух сторон поползли к центру, отделив рабочую часть кабинета от зоны рекреации. Вот они соединились, срослись, складки разгладились... Стало абсолютно тихо. Как и должно быть в кабинете пси-моделирования.

Крафт, проверив, как срослась перегородка, подошел к Ломтикову, встал за его спиной. Через мгновение Андрей почувствовал, как на его голову опускается митра транслятора.

— Не беспокоит?

— Нормально.

Чуть слышно щелкнули фиксаторы — это техник откинул экран вмонтированного в спинку монитора. Что он там так долго возится?

— Начинаем прогонку. Красный!

Андрей закрыл глаза и сосредоточился. Красный флаг. Чуть колышется на ветру. Ближе, ближе... И вот уже красный цвет заполняет все поле зрения.

— Отлично. Желтый!

— Прошу с оттенками. Сегодня этот цвет у меня рабочий.

— Принято. Бледно-желтый номер один!

Гамму желтого Ломтиков знал в совершенстве и мог обходиться без опорных предметов, на жаргоне пси-модельеров — ходил без костылей...

Они закончили цветовую гамму и перешли к звуковой, потом к запахам... Довольно утомительная процедура, но автоматиче-

ски перестраивающиеся трансляторы пока не существуют. Даже в воображении пси-модельера.

— Адаптация достигнута? Состояние нирваны?

Ломтиков прислушался к собственному телу. Полный штиль. Он словно бы плыл в густом серо-коричневом пространстве. Где-то далеко внизу билось сердце, еле заметно колыхалась грудь... Не его сердце. Не его грудь. Атрибуты серо-коричневого пространства, в котором он висит, как застывшая в глыбе воды рыбка. И даже не рыбка. Абстрактное физическое тело идеальной и потому неощутимой формы. В боковом поле зрения появился техник. Усеянная блестящими застёжками рубашка раздражает нестерпимо... Едва заметным движением глаз Ломтиков отпустил настройщика.

— Гера, модельер Ломтиков к работе с Системой на языках уровня пси готов, — негромко доложил Крафт.

— К сеансу готова, — немедленно отозвалась Гера.

Неслышно срослась входная дверь. Ну что же, можно начинать.

Ломтиков оглядел подиум. Пространство, в котором благодаря его и Геры усилиям должна сейчас возникнуть призрачная, существующая только в его воображении и в оперативной памяти гиперкомпьютера жизнь, — и перевел взгляд в серо-коричневую бесконечность. Очертания подиума расплылись и исчезли. Пространство воображения сформировано. Теперь очистить его от всего постороннего... от всех воспоминаний, мыслей, желаний. Стать бесчувственной материальной точкой в абсолютно пустом пространстве. Точкой без свойств. Стать самим этим пространством. Самим этим пространством. Этим пространством. Пространством. Пространствомпространствомпространством...

Поймав мгновение, когда лишенный всех внешних и внутренних раздражителей мозг начал проваливаться в сон, Ломтиков, глядя невидящими глазами сквозь находящийся прямо перед ним подиум, представил, что он в клеронской пустыне... Барханчики светло-оранжевого песка... В центре — сине-зеленая мухоловка. Свеженькая, уже научившаяся добывать воду и пищу из насекомых, с коротенькими немощными корешками под чашечкой цветка. Розовое солнце где-то там, за спиной, низко над горизонтом. Еще не печет, не обжигает безжалостными лучами. Так... Вполне взрослая особь, готовая к размножению. В крохотных капельках, усеваящих чашечку, — розовые искорки. И запах, запах! Удивительный, непередаваемый запах мухоловки, привлекающий к ней насекомых в радиусе трех километров. Но пси-модельер обязан уметь воображать непередаваемое. Так, так, чуть сильнее... Ломтиков почувствовал, что дышит чаще и глубже, чем минуту назад. Чудесный аромат. Теперь проверим, что получилось...

Над мухоловкой появился изумрудно-зеленый шмель, зазел всеи своими шестью крылышками, предвкушая обильную взятку. Ах, шмелиный мед! Но не отвлекаться, не отвлекаться...

Шмель, завершив круг восторга, спикировал в сердцевину цветка и удовлетворенно зачмокал хоботком, высасывая первую алмазную каплю. Один из восьми листочков мухоловки, обрамляющих чашечку, сжался... Ломтикова всегда удивляла быстро-

та этого движения. Все-таки растение, а не животное, откуда такая прыть? Сегодня он впервые понял, на что похоже это движение. Так человек прихлопывал комара, севшего ему на лоб, в каком-то старинном видео, попавшемся в архиве, когда он готовился к выпускному экзамену по практической экологии. Были некогда на Земле такие кровососущие насекомые, не боявшиеся, как тогда говорили, — «царя природы». В двадцать первом веке эта ошибка эволюции была исправлена...

Крылышки шмеля взвыли было на высоких оборотах, но тут же безвольно опали. Бедняга! Еще одна безвинная жертва технологии. Хорошо еще, что на самом деле тебя нет.

Что такое? Изображение блекнет? Не расслабляться! Ты есть, есть! Растяпа. Надо же, чуть не упустил.

Дабы увериться, что картина полностью восстановлена, Ломтиков сотворил еще одного шмеля. Можно было бы и кузнечика, но... воображение нужно экономить. Иначе не останется на главное — выполнение задания. Вот если бы у него был философский камень...

Второй листочек, сыто чавкнув, прихлопнул другого шмеля, и мухоловка стала похожа на руку с двумя загнутыми пальцами. Остальные шесть чуть заметно шевелились, ожидая добычу. Так, хорошо. Теперь главное: дельтакриосциллаты... дельтакриосциллаты... Маслянистая жидкость с легким запахом сосновых иголок. Три осцилльных группы, шестнадцать изомеров. Результаты предварительного моделирования показали, что мухоловке такой душ не понравится. Атомные структуры, спектр химических свойств... Кодировка изомеров: от бледно-желтого до темно-песочного. Итак... теплый приятный дождичек... бледно-желтый номер, одни капельки... Первый изомер дельтакриосциллата... Как тебе, мухоловочка? Кажется, сугубо перпендикулярно... Ладненько. Ступай на периферию, в стек-ускоритель. И ускорься там... Эдак тысячекратно... А мы пока займемся подружкой, занявшей твое место в центре. Капельки капаят, кап-кап-кап... Цвет погуще, чем в первый раз, но не чересчур. Чтобы ни одного изомерчика не пропустить. Влево-вниз тебя, голубушку, и тоже по ускоренной программе... Пока ты чувствуешь себя неплохо, но посмотрим, что будет часиков через сто... Теперь третья мухоловка. Оросим тебя... Говорят, Мак-Кензи может одновременно отслеживать до сорока вариантов. Правда, это с камешком, с философским, сиреневым таким кристалликом... В сторону, голубушка, в сторону... Развивайся дальше, скоренько, тысячекратно.

Рядом с четвертой мухоловкой, оставшейся в центральном поле, запылал маленький сиреневый огонек. Опять расслабился. Изуди! Исчезнь!

Огонек не исчез, зато над мухоловкой закружился шмель. А вот это уже дребезг, самый тривиальный. Система действительно плохо отлажена. Интересно, какую часть ресурсов Геры он сейчас использует?

— Коэффициент использования ресурсов системы пятьдесят одна десяти тысячная, — вполголоса отозвалась Гера.

Ага, полпроцента. Не густо. Но симбиоз устойчив, и если ему удастся выжать свои обычные полтора процента, задача будет решена быстро.

Третий пальчик загнулся на хищной сине-зеленой руке. Еще порция дождика. Теперь уже светло-желтого, отчетливо светло-желтого номер один. Недаром он во время стажировки два месяца занимался только цветовой подготовкой. Номер один, не больше и не меньше. Изомер номер четыре. А что там у нас с первыми тремя? Все в порядке, к сожалению, живут и здравствуют. Давно переварили своих шмелей, раскинули листья и греются на солнышке. Ничего, ничего, может быть, не так вам и хорошо, как на первый взгляд кажется. Вскрытие покажет. А в центральном поле... А в центральном поле мухоловка надувает прямо на глазах. Ага, зацепило! Сейчас ты лопнешь, как перезревшая слива. Еще дождичка, еще... Ого! Растет, словно по ускоренной программе... Листья глянцево поблескивают... Сыто эдак лоснятся. И лопаться этот сине-зеленый мешок явно не собирается. Что же, отрицательный результат — тоже результат. Устроим-ка мы ей ливень... Чтобы полностью исключить возможную неоднозначность... Так, так... Песок потемнел, во впадинах уже заблестели крохотные лужицы... Листья мухоловки прямо-таки извиваются. А, вот в чем дело! Ей, как наркоманке, уже мало золотистых потоков, низвергающихся сверху, она хочет целиком погрузиться в лужу... Или хотя бы листья в нее запустить. Ишь, как опустошают. Прямо как маленькие насосики. Хотя почему же маленькие? Чашечки уже размерами с тазик Дон-Кихота, а листья весьма напоминают щупальца. Все вместе это похоже на голову Медузы Горгоны. Вот так и следовало ее назвать. По латыни, конечно. А вовсе не *Muscipula Lomticova*. Странно, почему появилась сиреневая искорка? Видно, новая операционная система настолько чувствительна, что выхватывает некоторые образы прямо из подсознания. А можно сказать: из-под сознания. Плох тот пси-модельер, который не мечтает когда-нибудь заполучить магический кристалл. Вот он и торчит безвылазно в подкорке. Ну ладно, хватит. Пора и честь знать. Влево и вниз, голубушка, влево и вниз, мерзавка. В стек-ускорителе. В центральное поле — первоначальный вариант, с тремя сжатыми листочками.

Стоп, ошибка. Забыл высушить песок. Ишь, как ей понравилось. Припала к лужице, как младенец к материнской груди. Куда теперь тебя? Одна такая, обработанная четвертым изомером, уже есть. Ага, вот ею-то мы и высушим песочек. А потом просто сотрем из памяти — своей и Гериной. Пей, голубушка, пей. Алкоголичка. Ишь, как набухает. Все, все, больше нету. Напрасно шевелишь ловчими органами, ничего больше не получишь. Сгньи! Изыди!

Несмотря на четко сформулированную команду, мухоловка не исчезла. Зато появились сразу три шмеля, которых она поочередно, с довольным чавканьем, прижала к своей ненасытной чашечке.

Опять дребезг... Совсем плохо Система отлажена, совсем. То-то техник советовал ему не вязываться... Еще три шмеля появились в центральном поле. Шесть листочков мухоловки уже заняты. Интересно, что она станет делать с последним шмелем? Жирненький такой шестикрыл. Ау, куда же вы? Что вам надо в стек-ускорителе? Исчезли из центрального поля, без команды, вопреки... Безобразие! Что за самоуправство? И вообще, что

там делается, в стек-ускорителе? Вот три первые мухоловки, ничего с ним не случилось. Только чуть пожухли от недостатка влаги. А где же четвертая, Медуза Горгона? Здесь ее нет и здесь... Упустил! Это надо же, упустил из бокового зрения! Как несмышлениш, как козерог на первом зачете! Ай-яй-яй! Хорошо, что у нее младшая сестричка осталась. Как их хоть звали-то, остальных двух горгон?.. М-да. Провалы в памяти. Ладно, будешь ты у нас просто: Горгоночка. Медузочка. Сейчас мы и тебе дадим подрасти. Дождик-дождик, пуще! Обильненький. Желтенький...

Жгучая боль вдруг ударила по глазам нестерпимым белым светом. Прямо над ухом кто-то завопил не своим голосом: «Мама!» Источником боли была явно левая нога. Недаром она так судорожно сжата. Когда он успел выйти из симбиоза? И даже с кресла поспешил прыгнуть, мерзавец! Все труды на-марку. Да кто же это так вопит? Прежде всего — осмотреть ногу и сообразить, что же произошло. А еще прежде — закрыть рот.

Ломтиков перестал орать и взглянул на левую ногу. На бедре, там, где шорты уже не прикрывали красиво загоревшую кожу, расцветали два багровых цветка величиной с кофейное блюдечко каждый. Кожу в этих местах нестерпимо жгло. Что-то шевельнулось на полу, за креслом. Огромное, страшное. Ломтиков вскрикнул и отпрыгнул к стене. Левую ногу тут же свел судорогой. Он начал массировать ее, стараясь не прикасаться к обожженным участкам кожи и поглядывая в сторону кресла. За ним бугрилась Медуза Горгона. Огромная, жирно-зеленая, она тянула в сторону Ломтикова жадные, толстые, блестящие щупальца с хищными розеточками присосок. Так вот кто его! И сразу же: абсурд! Симбиоз наверняка нарушен, все должно было исчезнуть. В лучшем случае — остаться в памяти Геры, хотя он и не успел дать команду на запоминание.

— Гера, все запомни, все запомни. И — полный отбой. Конец работы!

Хорошо, если команда на запоминание пройдет. Надо будет на досуге исследовать феномен. Явление Ломтикова... Ничего, звучит. Хотя Гера ведет себя как-то странно.

— Очистить подиум. Подиум очистить!

— Ресурс используется на двести десять процентов, — невпопад отозвалась Гера. Что с нею? Каких двести десять, если и на десять-то никто не может использовать? Даже пси-модельер с философским камнем. Он, кстати, тоже почему-то не исчез. Лежит себе в куче песка на подиуме. А рядом вздыбились щупальца второй Медузы. Медузочки. Ишь ты, выше человеческого роста...

— Гера, отбой! Полный отбой!

— Повторяю: двести десять процентов.

Ломтиков отступил к стене. Все, дальше некуда. Щупальца старшей Горгоны все ближе, ближе... Как это быстро она на них научилась передвигаться. А два передних скручены, как пожарные рукава. На полу остаются влажные темные пятна. Может быть, он заболел? Неожиданно, вдруг. Или заснул, упал с кресла и ударился головой. «Головой в детстве не ударя-

лись?» — дважды спрашивал невропатолог на медкомиссии. Теперь можно будет смело отвечать: «Ударился!»

— Гера, срочная связь с директором Симой.

— Ресурсы системы использованы на двести сорок процентов. Запрашиваю дополнительные.

Гера явно спятила. Или у него самого крыша покосилась? Двести сорок — это значит, и Зевс, и Диана работают сейчас почти целиком на Геру. И на этих сине-зеленых чудящих, вырвавшихся из его воображения и дьявольски похожих на настоящих.

Скрученные улиткой щупальца приблизившейся почти к самым ногам Ломтикова Горгоны резко выпрямились и тяжело ударили в стену. Если бы не многочисленные схватки с Вилькой, у которого черный пояс, вряд ли Ломтикову удалось бы сейчас увернуться. Грамотный уход, весьма грамотный, — похвалил бы его сейчас Вилька. Это значит — на пределе возможного, когда предугадывается не движение, но замысел атакующего — за мгновение до его появления. Именно за мгновение, не раньше — чтобы замысел не успел измениться.

В кабинет хлынул солнечный свет. Плеск волн за окном, запах моря, щебетанье птичек... Конец кошмару! Кот Файл переступил черту, с которой только что соскользнула тяжелая серо-коричневая драпировка, застыл с нерешительно поднятой лапой. Кончик хвоста нервно подрагивает.

— Кс-кс-кс, — оглушительно громко позвал его Ломтиков. Кот, зыркнув в его сторону безумными желтыми глазами, изогнул спину дугой и, вздыбив шерсть, зашипел. Медуза Горгона, тяжело приподнимаясь на щупальцах, двигалась к окну. Файл прижал уши к спине и, переступив, угрожающе поднял вверх правую лапу.

— Брысь! — крикнул Ломтиков.

Щупальце прихлопнуло кота, как муху. Жалобно взвизгнув, Файл судорожно дернулся несколько раз и замер. Щупальце, изогнувшись, как хобот слона, отправило маленькое безжизненное тельце в чашечку цветка, хищно сверкавшую крупными, с орех величиной, прозрачными шариками. Мухоловка тут же двинулась дальше. С грохотом упало «ласкающее» кресло. Приподнявшись на шести «листочках», Медуза запустила оба свободных щупальца в аквариум. Раздался звук всасываемой воды.

Ломтиков, с трудом ступая на пораженную ногу, заковылял к выходу. Медузочка, младшая сестрица чудовища, уничтожавшего рекреатор, попятилась от пси-модельера, как паучиха, невзначай перекрывая путь к двери. Проклятие! У нее же нет глаз! Как она определяет? По электрическому полю, что ли? Ни одна модель этого не предусматривала...

Под ногами захрустел песок. Припадая на левую ногу, Андрей сделал еще два шага и остановился. Горгоночка, опомнившись, начала готовиться к атаке. От нее волнами исходил густой, тяжелый запах. В малых концентрациях он, конечно, невыразимо приятен, но в таких... У Ломтикова начала кружиться голова. Он оглянулся. Чем бы ее шарахнуть? Саблю бы какую-нибудь. Турецкую. С серебряными насечками. Из дамаской стали, чтобы волос на лету резала.

Медузочка приплюхала к подиуму, и пси-модельеру пришлось отступить. Все к той же стене, на заранее приготовленные по-

зиции. Тяжело сходя с подиума, Андрей вдруг вскрикнул и на мгновение замер. На бледно-оранжевом песке лежала сабля. Турецкая. С еле заметным причудливым узором вдоль всего клинка. А рядом — сиреневая искорка философского камня. Его Ломтиков схватил левой рукой, сунул в нагрудный карман, правой сцапал саблю. Ого, тяжеленькая. Тем лучше. Выпрямился с трудом: левая нога совсем онемела. О том, чтобы, пробежав вдоль стены, прорваться к двери, не могло быть и речи. Да это и не нужно. Теперь он может встретить врага с оружием в руках.

Андрей потрогал митру транслятора. Она сидела на его голове как влитая. Хорошо, что симбиоз сохранился. Теперь помужествуем... Подождав, пока Медузочка вновь приблизится, Ломтиков, на долю секунды опередив звонкий, как щелчок бича, удар щупальца, нырком ушел вправо и сразу же сильно, со всего маха, рубанул. Горгона-младшая треснула, как перезревший арбуз, и развалилась надвое. Внутри у нее было что-то синее-зеленое, мерзкое, мокрое... Засочилось, набухло, закапало на серо-коричневый пол. Остро запахло гниющим болотом, тухлой водой, прелью...

Так, с ней все ясно. А старшая? Ломтиков похолодел. Он не оглядывался уже сорок секунд... Андрей повернулся так резко, как только мог, одновременно пригибаясь. Но удара не последовало. Медузища еще не закончила расправу с рекреатором. Аквариум, правда, был пуст, и птицы уже не перелетали с ветки на ветку. От пальмы остался голый безжизненный ствол. Кипарис стоял желтый, как лиственница осенью. Горгона — огромная, сытая, довольная — лежала за аквариумом и что-то жадно сосала. Два ее щупальца продолжали шарить по пустому ящику, время от времени натываясь друг на друга. Раздался хлюпающий тягучий звук, и Ломтиков понял, почему мухоловка выглядела такой упитанной. Очевидно, она присосалась к распределителю гидропонной системы и втягивала питательный раствор. Теперь жидкость в бачке кончилась, и Горгона собиралась продолжить разбой.

Все, хватит, навоевались. Надо привести сюда директора Симу — за руку, за руку! — и пусть он сам со всем этим разбирается. Примовая работа... «Надеюсь, вас это не испугает». Ха-ха-ха! Змея она подколотная, а не Очковый Змей. Ломтиков сейчас такое ему скажет, такое...

Андрей повернулся к двери, с трудом сделал два шага и остановился. Разваленная его саблей, что называется, «до седла» мухоловка очень даже неплохо себя чувствовала. Вернее, чувствовали, потому что теперь их было две. Внутренностей уже не было видно — все покрывала молодая светло-синее-зеленая кожа, из которой выпирали, словно острые маленькие груди, молодые щупальца. По четыре у каждой из двух одиноутробных сестричек. Они удлинились прямо на глазах. К тому же дочки были явно подвижнее своей мамы. Их старые, унаследованные от родительницы, длинные и сильные щупальца жадно шарили по пустынному полу.

Стек-ускоритель! Они так и не вышли из него! Для мухоловок время явно течет быстрее, отсюда и такая подвижность.

— Гера, очистить содержимое стек-ускорителя!

— Степень загрузки — двести сорок процентов. Запрашиваю дополнительные ресурсы.

— Заикнулась на своих процентах! Чтоб ты скисла!

— Команды не поняла. Прошу повторить.

Хотя нет, вторую-то в стек-ускоритель никто не посылал. Разве что она сама в него залезла, вслед за улетевшими туда шмелями. Черт-те что творится...

Медузочки сцепились щупальцами, нервно задержали ими, пытаясь затащить друг дружку в сверкающие росинками пасти, и разбежались, как закончившие схватку крабы. Следы присосок на обеих сочились бледно-зеленым. Ломтиков взглянул на свое бедро. Лепестки расцветших на нем цветков стали почти черными. Ноги он теперь совершенно не чувствовал, зато начала болеть левая ягодница.

Если бы он мог хотя бы идти... Расколоть каждую надвое и, пока они очухиваются, выскочить за дверь...

— Гера, открой входную дверь!

— Внимание! Идет пси-моделирование! Вход в кабинет номер девять категорически запрещен! — объявила Гера по громкой связи.

Ломтиков попробовал перенести вес тела на парализованную ногу. В глазах стало темно, и, кажется, он закричал. Медузочки-дочки, словно услышав крик, насторожились, а потом зашлепали в сторону Ломтикова. Бластером бы их сейчас... Бластером!

Андрей бросил саблю на пол. Поднять он ее вряд ли сможет, но это уже неважно. Сведя руки перед грудью, пси-модельер сжал в ладонях рифленые рукоятки несуществующего бластера, и тот тут же проявился, как старинная голография. Ломтиков направил короткий ствол с раструбом на конце на ближайшую мухоловку и, прищурившись, нажал на спусковой крючок. Вспышки, однако, не последовало. Только колючко сизого дыма сорвалось со ствола и, покачиваясь, поплыло к потолку.

Андрей передернул затвор, снова выстрелил, уже не боясь на несколько мгновений ослепнуть... Опять осечка. Ломтиков отщелкнул магазин. Вот же они, заряды, с двумя лиловыми полосками каждый. Универсальные, повышенной мощности, для особо опасных условий... С таким бластером хоть на Саванну... Андрей проверил митру на голове. Никуда она не делась, даже не покосилась, симбиоз великолепный... Хотя давно уже не должно быть никакого. Так в чем дело?

Энергия. Он не может смоделировать направленный пучок энергии — это слишком абстрактно. Роторы, векторы, мощные электромагнитные поля... А может быть, все застопорилось из-за другого? Нельзя смоделировать то, что может представлять опасность для него самого. Даже если работа — примовая. А сабля? А мухоловки?

Сестрички медленно приближались, протягивая в его сторону молодые, всеянные присосками щупальца. Они были только в половину меньше старых. Комната медленно плыла перед глазами...

Слева что-то громко треснуло. Ломтиков оглянулся так резко, что у него самого хрустнули шейные позвонки. Медуза Горгоница, огромная, как взрослый осьминог семейства Octopodidae, развалилась надвое. Граница разлома стремительно затягивалась

нежной кожей, и уже бугрились на них будущие щупальца.

Персею было легче. У его горгон головы не отрастали вновь. И сражался он только с тремя чудовищами. К тому же спиши-ми. Тоже мне, герой!

— Гера, закрой занавес!

— Загрузка двести девяносто процентов. Включая все резервные мощности.

Ломтиков, с трудом удерживая равновесие, дотянулся до большой кнопки. Она была покрыта чем-то скользким и противным. Половинки занавеса, отделившись от стен, поплыли к центру кабинета, рассекая армию противника на две части и восстанавливая тем самым исходное соотношение сил.

Новорожденные горгоны перестали шевелить щупальцами, насторожились. Одна из них вдруг быстро поползла навстречу тяжелой серо-коричневой шторе. Ага, вот в чем дело. Их корешки воспринимают малейшие колебания почвы, в данном случае — пола. Медуза спешит навстречу предполагаемой добыче. Успеет первой к финишу?

Успела. Занавес, наткнувшись на щупальце, остановился. Мухоловка полаяла его, оставляя темные следы, и, убедившись в несъедобности добычи, двинулась дальше. Ее товарка осталась на месте. Решила побыстрее отрастить ловчие органы. Давай, давай! Только зря стараешься!

Горгона пересекла линию, отделявшую рекреатор от рабочей части кабинета, и занавес освободился. Половинки его сомкнулись. Солнечный свет померк, и еще что-то изменилось. А, перестал доноситься плеск волн. Только присоски чуть слышно прищмокивают, когда какая-нибудь из мухоловок делает очередной неуклюжий прыжок. Одна уже совсем близко.

Ломтиков швырнул в нее бесполезный бластер. Комната качнулась и поплыла. Андрей оперся о стену. Медузочка прижала бластер молодым щупальцем, помусолила несколько секунд, потом, захватив сразу тремя щупальцами, швырнула на пол. Надо бы как-то поднять с пола саблю. Чтобы умереть, как и подобает мужчине, с оружием в руках. Одному против трех ему не выстоять. Сейчас обложат, аки раненого вепря, а потом Горгона подползет и прихлопнет, как кот Файла. Проклятые твари. Прожорливые, как саранча. Что такое саранча?

Мысли двигались вяло, словно рыбы в сиропе. Саранча — это зеленые, как клеронские шмели, кузнечики, уничтожавшие посевы в Африке еще до биологической революции. Лерка показывала ему в своем дурацком музее. Потом этих обзор перепрофилировали на что-то полезное. На что именно, Ломтиков не помнил. Да это уже и неважно. Оголодавшие мухоловки в поисках биомассы сейчас найдут его и объедят до костей. Будьте вы все прокляты, и ненасытные медузы, и свихнувшаяся Гера, и коварный директор Сима! Чума на ваши дома! Саранча па ваши посевы!

Маленький зеленый кузнечик, распустив прозрачные крылья, спланировал на ближайшую мухоловку и сгинул в ее усыпанной благоухающими каплями чаше. Но она, кажется, не обратила на это никакого внимания. А если еще? Два, четыре, восемь... Сгенерировать одновременно больше восьми особей Ломтикову не удавалось. Кузнечики падали и падали в ненасытное чрево

ближайшей к нему мухоловки, и вот наконец она прижала к чашечке сначала одно щупальце, потом второе... блаженно раскинула остальные ловчие органы...

Андрей с трудом повернул голову влево. Половинка Горгоны была почти рядом. Он направил на нее поток саранчи. Гуще, гуще! Холодный пот тек по спине. Еще мгновение — и он не выдержит жгучей боли в левом боку, потеряет сознание. А для Медузы такой поток явно маловат. Еще ни одного щупальца не сложила...

Индивидуальный пакет, вспомнил Ломтиков. Индивидуальный пакет, в котором среди прочего имеется протившоковая игла и который должен брать с собой пси-модельер, отправляясь выполнять работу любого уровня. Так надоевший всем тяжелый пакет, которым никто никогда и ни разу еще не пользовался.

Андрей сунул руку в карман... Пакета в нем не было. Да и быть не могло. Он совершенно отчетливо помнил, как не хотелось ему отыскивать пакет, так и оставшийся в старом комбинезоне... А техник не потребовал предъявить его перед началом сеанса, хотя и должен был сделать это по инструкции. Вечно они ее нарушают...

От расслабления Ломтиков покачнулся, но каким-то чудом не упал. Струйки пота теперь сбегали по лицу. Он вытащил руку из кармана и поднес ее к глазам. В ладони лежал философский камень, слабо мерцаая равнодушным сиреневым светом. Андрей крепко сжал его в кулаке. Саранча! Саранча на ваши посевы!

Иссякший было поток насекомых возобновился с утроенной силой. Нет, с удесятенной! Сухой шелест заполнил кабинет. Кузнечики сталкивались в воздухе, падали на пол, снова взлетали. Даже те, которые повреждали в столкновениях крылья, упрямо ползли к мухоловкам. Чудовища, в ужасе обхватив чашки щупальцами, лежали неподвижно и обессиленно. Какой-то новый звук, незаметно родившись, быстро перерос похожий на шум прибоя шелест крыльев. Какой-то непрерывный мелкий хруст, тысячекратное потрескивание. Словно тысячи гномиков вдруг начали рвать свои записные книжки, сшитые из тончайшей папиросной бумаги. Фотоны, кванты звука заполнили весь объем кабинета, как муравьи муравейник. Кузнечики, не повязав салфеток и забыв взять в лапки ножи и вилки, приступили к пиршеству. Не забыть бы вывести в них ген самоуничтожения... Начиная с тысячи первого поколения...

Новый шум — тяжелый, гнетущий, монотонный — поглотил все звуки надежнее, чем тишина. Свет померк... Это в голове так шумит, равнодушно отметил Ломтиков, теряя сознание. Пол вдруг наклонился и упал на него...

Ломтиков лежал на берегу ручья. Теплое ласковое солнце настоящее, земное! — светило сквозь веки закрытых глаз, делая мир розовым и добрым. Какие-то неясные тени склонялись над ним. Журчание ручейка напоминало голос Геры. И не только голос, но и слова. Андрей попытался вникнуть в их смысл, но у него ничего не получилось.

— Принято, Гера. Хорошо, хорошо, просто замечательно! Я вас поздравляю с успехом, коллега! — прогремел у самой его головы неповторимый тенор директора Сима, и глаза Ломтикова сами собой открылись. — Какое простое и изящное решение! Два опытных модельера в течение двух недель так и не смогли подобрать экологически чистое химическое соединение, а этот мальчишка...

— Кажется, он уже приходит в себя, — сказал техник Крафт, снимая с головы Андрея митру транслятора. Ломтиков огляделся. Он по-прежнему полулежал в кресле «мыслитель». Прямо перед ним, чуть покачиваясь, стоял Очковый Змей — на этот раз без очков.

— Вы правы, гиперсистемщик Крафт. Наш коллега превосходно выдержал перегрузки, не правда ли?

Подним за директором был пуст. Нигде никаких следов ни мухоловок, ни саранчи. Андрей косил глаза на бедро. И нога не болит...

— Поздравляю, пси-модельер Ломтиков! — торжественно сказал Сима и протянул руку, помогая встать. — Ваш успех превзошел все ожидания! Ни Прядский, ни Овечкин не смогли решить эту задачу. Полагаю, что только благодаря блестящей идее гиперсистемщика Крафта... и вашим незаурядным способностям, — спохватился директор, — мы и смогли с честью выйти из создавшегося положения. Гера, открой шторы.

С легким хлопком половинки занавеса распались, и в рабочую часть кабинета хлынул солнечный свет. Послышался вкрадчивый шорох прибора. Андрей незаметными движениями разминая затекшие мышцы.

— Надеюсь, молодой, но весьма талантливый пси-модельер простит нам этот небольшой розыгрыш, — виновато улыбнулся гиперсистемщик Крафт. На нем был теперь обычный рабочий костюм. На нагрудном кармане, среди полудюжины прочих значков Ломтиков отметил две непересекающиеся гиперболы с надписью НРЕР между ними и большой буквой под нижней ветвью. Живого гиперсистемщика он видел впервые.

— Хотя эта работа действительно соответствует уровню «элита», я был абсолютно уверен, что здоровье ваше не пострадает ни в малейшей степени. Я знаком с вашими работами и сам попросил, чтобы для первого эксперимента выбрали именно вас. Как самого...

— Перспективного подопытного кролика, — услужливо подсказал Андрей. — А с Обществом защиты животных вы согласовали? По-моему, без их санкции...

— Ну-ну, не сердитесь, — примирительно положил ему руку на плечо директор Сима. — Вы, конечно, устали, перенервничали, но зато теперь с чистой совестью можете отдыхать и восстанавливать силы. Этот замечательный рекреатор в вашем полном распоряжении. И вообще кабинет теперь закреплен за вами. Лучший, заметьте, в нашем ателье.

— Это действительно так? Или вы начали новый эксперимент и рекреатор — лишь в моем воображении?

— Видите ли, дорогой коллега, идея как раз и состояла в том, что вы не будете знать всех деталей. Вы должны были поверить в реальность созданной вами модели, подкорректиро-

ванной нами, право же, самую малость. Но без предварительной подготовки вы вряд ли смогли бы вообразить для себя смертельную опасность. А без этого, в свою очередь, нам не удалось бы повысить ваш Коэффициент Использования.

— Между тем хорошо известно, что в минуты опасности человек способен творить чудеса. Просчитывать варианты со скоростью Геры, перепрыгивать заборы в два собственных роста, устанавливать телепатическую связь на расстоянии в десяток световых лет. Вот мы и решили воспользоваться... — продолжил пояснение гиперсистемщик Крафт.

— Моим безвыходным положением? Тем, что я не имел права отказываться от примовой работы?

— Уровень «элита-прим» — моя выдумка, — вызвал огонь на себя директор Сима. — На самом деле столь высокая степень риска, конечно же, никем и никогда разрешена быть не может...

— Обманывать нехорошо, директор. Какой пример вы подаете молодым пси-модельерам? — счел необходимым поинтересоваться Ломтиков.

Сима наконец перестал улыбаться и растерянно развел руками. Андрей опустил голову и еще раз взглянул на свое бедро.

— Вы, кажется, не совсем понимаете, для чего все это было нужно. — Очковый Змей, наклонившись, попытался заглянуть Ломтикову в глаза. Видимо, его поза — ноги широко расставлены, кулаки крепко сжаты — внушала директору некоторые опасения.

— Догадываюсь. Вы сделали меня подопытным кроликом, но не идиотом.

— Совершенно верно. Основная проблема симбиоза — ограниченные возможности человеческого мозга. И это — при использовании его возможностей всего на доли процента! Все остальное остается в неостребованном резерве. К сожалению. Отсюда — крайне низкий коэффициент занятости новейших интеллектуальных систем. У нас их три в районе Клероны, но суммарная загрузка никогда не достигает трех процентов. И в условиях, когда сине-зеленая мухоловка не без вашего, скажем прямо, участия перехлестнула границу пустыни и неудержимой волной, сметая все на своем пути... Я счел возможным принять решение... за вас. Был почему-то уверен, что вы все поймете и не будете судить нас столь сурово. По-видимому, я был не прав.

— В чем именно? — потребовал уточнения Ломтиков. — В том, что я все пойму?

— Нет. В том, что я решил за вас. Сам факт решения...

— Вы полагаете, что цель достигнута? Что есть хоть какое-то оправдание использованным вами средствам?

— О да, конечно! — воодушевился директор. — Разработанная вами программа уже в работе. Через полчаса из биореактора выйдут первые особи саранчи. Мы немедленно начнем натурные испытания. И, полагаю, уже через две недели сможем выпустить первую промышленную партию.

— Могу ли я надеяться, что положительный результат... повлияет на выводы следствия? — осторожно спросил Ломтиков.

— Несомненно! Более того, я полагаю, что и выводов-то, собственно говоря, не будет.

— Мы сегодня же направим ходатайство. Ввиду полного искупления вины... К моему голосу обязательно прислушаются,— подхватил гиперсистемщик Крафт.

— И последний вопрос. Вы уверены, что сами ничего не упустили при подготовке этого... эксперимента? Я все-таки человек, а не мухоловка.

— Абсолютно. Шестеро пси-модельеров уровня «альфа», отборная команда, профессионалы высочайшего класса, в течение трех месяцев промоделировали все штатные и почти все нештатные ситуации...

— Тогда, конечно, они предусмотрели и это? — высоко поднял Андрей левое колено. На бедре багровели два больших, с блюдечко величинной, восьмилепестковых цветка.

Гиперсистемщик Крафт побледнел. Директор Сима, обхватив руками голову — что-то очень знакомое было в этом жесте, — зацокал языком и вдруг закричал пронзительно и тонко:

— Гера, врача в девятый кабинет! Срочно!

— Гера, не надо, я сам приду, — возразил Ломтиков.

— Как же это, как же это получилось... — сокрушенно повторял, как заводная кукла, гиперсистемщик Крафт.

— Что-то вы не учили. Я бы сказал даже, прохлопали, — сказал Ломтиков, старательно воспроизводя интонации Очкового Змея. — А теперь извините, мне пора к врачу. Где здесь медпункт?

— По коридору налево, первый поворот направо. Позвольте вас проводить?

— Спасибо, я сам, — решительно отказался Андрей. Директор Сима говорил что-то еще, но Ломтиков его уже не слышал. Выскочив в коридор, он чуть было не столкнулся с кибердиагностом. Бдительная Гера прислала, на всякий случай... Молодчина!

Пухленький шкафчик резко остановился, и из него сразу же полезли во все стороны разнокалиберные зонды, анализаторы, термометры, пульсометры... Даже зашевелились... Не хватало только запаха французских духов. Привычным движением увернувшись от щупальца с каким-то замысловатым датчиком, Ломтиков осадил нахала.

— Тебе что сказали? В девятый? Вот и иди себе, иди. Больные ждут тебя. Двое. Проведи полное обследование, полное! Особенно в области головы. У обоих!

Шкафчик шустро вкатил в кабинет. Подождав, пока за ним расстелся дверь, Андрей приказал:

— Никого не выпускать в течение получаса. Табу. Наложил пси-модельер Ломтиков.

Дверь с шумом втянула воздух и, узнав запах хозяина, довольно заурчала. Мстительно засмеявшись, Андрей побегал по коридору. Завернул за угол, притормозил, подошел к высокому стрельчатому окну. Какая-то клумба, чей-то кар... Подождав, пока успокоится дыхание, Андрей с трудом разжал онемевший кулак. Поднес руку поближе к глазам... На ладони сверкал и переливался всеми сорока гранями философский камень.

Что-то они не учили, подумал Ломтиков и улыбнулся. Что-то они не учили...

ВЛАДИМИР ГУСЕВ родился в 1950 году в городе Великие Луки. В 1974 году окончил Московский инженерно-физический институт. В настоящее время — ведущий инженер одного из киевских НИИ. В жанре фантастики выступает впервые.